

Наше отставание от мировой науки не позволяет раскачиваться

Создаваемые исследовательские университеты могут оказаться заложниками существующих нормативных барьеров. Для развития НИУ уже упущен целый ряд возможностей. А многие усилия, которые предпринимаются в этой области, сравни тому, что к едущему паровозу прикрепить бантик или покрасить его в полосу.

Ситуацию с усилением науки в вузах это кардинально не изменит, потому что внутри паровоза по-прежнему топка и кочегар, считает научный руководитель Института развития образования ГУ-ВШЭ Исак Фрумин.

Справка STRF.ru:

Фрумин Исак Давидович, научный руководитель Института развития образования ГУ-ВШЭ

Специалисты Высшей школы экономики одними из первых заговорили о необходимости развивать в России исследовательские университеты. Как по-вашему воплощается с подачи Министерства образования эта идея?

— Когда говорят о создании сети исследовательских университетов, то важно определиться: мы создаём новые университеты или трансформируем старые? Это принципиальный вопрос при определении стратегии развития высшей школы.

Я поддерживаю идею конкурсного отбора университетов, которые реально стремятся стать исследовательскими. Необходимо всячески способствовать этому. Проблема в том, что у нас часто путают задачи — развития таких университетов и присвоения им того или иного статуса. Лично я выступаю против каких-либо статусов, категорий, навешивания табличек. Мне непонятно, какие задачи в данном случае решаются. Как правило, это мало меняет ситуацию внутри вуза и не способствует повышению качества его работы. Это формальная игра, не более того.

Многие любят ссылаться на американский опыт, но при этом забывают, что в США нет официальной классификации исследовательских университетов. Это неформальная характеристика вузов: если тот или иной университет соответствует определённым критериям — по бюджету на науку, количеству магистрантов, аспирантов и т.д., то его признают исследовательским. Как только его позиции по этим показателям ослабляются, он тут же перемещается в другую категорию вузов.

Тем не менее, в мировой практике есть успешные примеры, когда по инициативе государства формировались исследовательские университеты. Допустим, когда в Корею решили создать современный технологический университет (Университет науки и технологии Поханга, Postech. — прим. ред.), то за гигантские деньги наняли на должность ректора американца, одного из самых молодых лауреатов Нобелевской премии в области физики. Тот разработал программу развития университета, который впоследствии смог войти в число ведущих технологических университетов мира. Для этого потребовались огромные инвестиции, в том числе и на создание кампуса. Но в этом случае речь не шла о присвоении статуса.

Если забыть о суевериях со статусами, то, конечно, в России надо прикладывать усилия для создания исследовательских университетов. Надо поддержать программы трансформации университетов, а также наиболее перспективные исследовательские направления. Как я понимаю, обе эти задачи Министерство образования и хочет решить, запуская проект НИУ.

Да, но средства, выделяемые на развитие НИУ, вряд ли позволят привлечь нобелевских лауреатов.

— Это верно. Если честно, меня смущает незначительный размер господдержки. Если у вас какое-то серьёзное заболевание, и врач прописал принимать по две таблетки ежедневно, а тут кризис, и вы можете купить только полтаблетки, в таком случае проку никакого не будет — и деньги потеряете, и не вылечитесь. Так что я не понимаю, как университет действительно может трансформироваться, получая на развитие 200—400 миллионов рублей, особенно если это инженерный вуз, которому необходимо закупать дорогостоящее оборудование.

Вообще-то ситуация парадоксальная. Россия находится на первом месте в мире по охвату населения услугами высшего образования. Даже если мы посмотрим только на бюджетное обеспечение, то всё равно наша страна по этому показателю входит в первую десятку. При этом по качеству высшего образования мы с каждым годом отстаём. Возможно, следует эффективнее перераспределять имеющиеся у государства средства? Во всяком случае на комплексные программы развития исследовательских университетов стоило бы потратить больше.

Второе, на что я обратил бы внимание: не может быть исследовательского университета с существующим у вузовских сотрудников уровнем зарплат. Развитие университетов напрямую зависит от подбора преподавателей мирового уровня (так называемых «звёзд»). Но в программе создания НИУ не говорится об обязательствах вузов-победителей по повышению доходов эффективно работающих специалистов. Это странно. Мне кажется, деньги нужно вкладывать в людей, а не в оборудование.

То есть следует выделять какие-то гранты?

— Я думаю, исследовательским университетам нужно предоставить полную свободу в использовании средств. Пока же видны ориентиры на приобретение оборудования, повышение квалификации ППС.

Университет сам должен решить, куда направить деньги. Конечно, следует установить общественный контроль, но в его рамках нужна автономия. Кроме поддержки преподавателей, крайне важно создать комфортные условия для работы сотрудников. У каждого профессора должно быть своё рабочее место, а не так, как у нас на кафедрах, — два стола на 15 человек. Почти все лидирующие исследовательские университеты — кампусовые.

По Вашим оценкам, сколько в России вузов действительно могут стать исследовательскими или уже являются таковыми?

— Мне трудно сказать, есть ли у нас исследовательские университеты в классическом смысле. С разными оговорками к ним можно отнести, например, МГУ им. Ломоносова. К этому университету можно по-разному относиться, но на большинстве его факультетов действительно занимаются научной деятельностью: к ней привлечено большинство преподавателей, и студенты с ранних курсов вовлечены в настоящие исследования. Я подчёркиваю слово «настоящие». Потому что очень часто уровень научных исследований оценивается лишь количеством защит докторских диссертаций или публикациями в собственных журналах, иногда даже отмеченных печатью ВАК. Получается, что люди сами пишут, сами читают, а потом защищают диссертации, которые никому, кроме них, не нужны.

Но и в МГУ есть факультеты, которые на научном горизонте не видны: нового знания мирового уровня там явно не производится. Впрочем, даже в Гарварде не все факультеты одинакового уровня. Поэтому я бы говорил о том, что в России существуют 50-60 вузов, а, может, и 100, где есть целые факультеты или кафедры передового исследовательского уровня. Их надо поддерживать и развивать, как это сделали, например, в своё время в Университете Джорджа Мейсона.

20 лет назад этот университет, располагающийся недалеко от Вашингтона, представлял собой что-то вроде провинциального техникума. Руководство учебного заведения поставило перед собой задачу совершить прорыв в нескольких направлениях. Для этого они сосредоточили все ресурсы на этих направлениях и закрыли все неэффективные, низкокачественные программы. То есть провели определённую санацию вуза. По итогам двух десятилетий этот университет имеет нескольких нобелевских лауреатов.

В России есть ряд университетов, которые могли бы совершить такой же прорыв. Например, у Томского политехнического университета прекрасные шансы. Главным фактором будет существенное сокращение непрофильной активности, закрытие низкокачественных программ и перераспределение ресурсов в пользу перспективных направлений. Ещё один важный шаг — привлечение способных студентов, то есть формирование сильного контингента учащихся. Этому вопросу почему-то не уделяют должного внимания, а он имеет принципиальное значение. Если всё это будет сделано, то лет за 10-15 бренд ТПУ сможет

позиционироваться на мировом уровне.

Важный вопрос о масштабах исследовательского университета. Сейчас запускается программа развития МИСиС, передового технологического института, которая мне кажется очень перспективной. Я верю, что именно комплексное развитие небольшого университета может привести к хорошим результатам. Под небольшим имею в виду тот вуз, где обучается не более 25 тысяч человек, но и не менее десяти тысяч. Существует тот же Postech в Корее — шесть тысяч человек, Калифорнийский технологический институт — четыре тысячи человек, Массачусетский технологический институт — 10 тысяч. Реформирование же огромных университетов будет связано с такими невероятными проблемами, что те очаги высокого качества, которые там есть, возможно, и сохранятся, но вряд ли получат широкое распространение.

Высказываются опасения, что по итогам конкурса в числе исследовательских окажутся в основном технические вузы, а гуманитарным и социально-экономическим там не найдётся места...

— Учитывая, что я работаю в социально-экономическом вузе, то был бы этим сильно огорчён. Хотя следует признать, что уровень социально-экономической и гуманитарной науки в России настолько низкий, что по объективным показателям — публикуемости, качеству работ и т.д. — вузы этих направлений не могут конкурировать с техническими. Но напрямую ограничивать их участие в конкурсе было бы серьёзной ошибкой. Если вуз реально сможет продемонстрировать, что он включается в международную научную работу, то его надо поддержать. В стране должно быть несколько вузов мирового уровня в области социально-экономических и гуманитарных наук.

Ваш университет будет участвовать в конкурсе?

— Будет. Перед Высшей школой экономики на уровне правительства поставлена задача стать университетом, конкурентоспособным на международном уровне (среди вузов такого же профиля). Это означает, что нам следует развиваться как исследовательскому вузу. Мы работаем в этом направлении, реализуем целый ряд крупных международных проектов в социально-экономической области, и считаю, заслужим господдержку.

Кстати, при отборе вузов я бы в качестве одного из основных критериев рассматривал реальные международные научные проекты вузов-претендентов. У вуза должна быть ясная программа развития, в которой будет обосновано, каким образом он сможет расширить своё присутствие на мировом рынке знаний и технологий. Исследовательский вуз должен быть вузом мирового класса: исследования не бывают второй свежести. К сожалению, многолетняя изоляция отечественной науки, особенно в гуманитарных областях, привела к тому, что у нас снизились критерии оценки исследований, их надо повышать. Если говорить о конкурсных механизмах, то привлёк бы к оценке этих проектов зарубежных учёных или российских исследователей, работающих за границей.

Как Вы относитесь к идее участия в конкурсе НИУ консорциумов вузов?

— Это крайне важный вопрос. Надо учитывать историю развития российской науки и образования, которые были отделены друг от друга. Поэтому задача интеграции Академии и университетского сообщества до сих пор чрезвычайно актуальна. Это первая проблема. Вторая — наши вузы отраслевые (долгое время они существовали как часть плановой отраслевой экономики). И это было силой в период индустриального развития, сегодня в период инновационного это становится большой слабостью. Поэтому когда в рамках конкурса НИУ появляется, например, Институт пищевой промышленности, утверждающий, что в своём направлении он самый лучший в мире, то, быть может, это и так. Но по факту такая структура узкоспециализированного высшего образования закрывает возможность для органичного формирования и развития новых направлений науки. Поэтому именно в России, я считаю, приоритет должен отдаваться заявкам, которые подают несколько университетов разной направленности или университеты совместно с академическими институтами. Вопрос, кто будет главным держателем денег, с моей точки зрения, вторичен. Главное, что у консорциума больше шансов преуспеть в мировой конкуренции исследовательских университетов.

К сожалению, всё идёт к тому, что в конкурсе НИУ будут участвовать только отдельные университеты с отдельными программами. По-моему, это изначально ослабляет реальный потенциал этих университетов. То есть вместо стимулов кооперации мы наоборот закладываем стимулы фрагментации системы образования и увеличения разрыва между образованием и наукой.

Вы считаете, что проект НИУ не будет реально способствовать интеграции науки и образования?

— Этот проект будет способствовать тому, чтобы в стране формировались современные исследовательские

университеты. Если он будет ограничен существующими организационными и правовыми механизмами, он не окажет серьёзного влияния на развитие институтов интеграции образования и науки. Если бы в этом проекте была заложена поддержка инициатив, вплоть до слияния академического института и университета, создания новых совместных структур, научно-образовательных центров, тогда был бы результат.

Например, сейчас в Голландии три университета создают совместный научно-образовательный центр с общей аспирантурой, в Берлине пять университетов собираются создавать совместную аспирантуру, создаётся комплекс университетов в Страсбурге. Причём в этих случаях речь идёт о новом юридическом лице. Но там решены все правовые вопросы и деньги получает это новое юридическое лицо. В этом смысле наши соседи по Европе идут правильной дорогой. А в России две крайности: либо очень жёстко форсируется административное слияние университетов (Южный и Сибирский федеральные университеты), что очень опасно, либо все учреждения чётко располагаются по клеточкам, с запретом на интеграцию из-за того, что это разные юридические лица. Мы плохо работаем с теми барьерами, которые заложены в нормативной базе, и этот конкурс оказался заложником этих барьеров.

То есть надо сначала усовершенствовать нормативную базу, а потом уже конкурс объявлять?

— Либо внутри этого конкурса добиться существенных послаблений, предусмотреть более гибкие варианты. Уже сейчас упущен целый ряд возможностей по формированию благоприятной институциональной среды по развитию исследовательских университетов.

Сейчас пробивают закон об учреждении малых инновационных компаний вузами и институтами...

— Да, всё это — шаги в правильном направлении. Но это равносильно тому, что к едущему паровозу приделать бантик или покрасить его в полоску, или для ускорения движения смазать рельсы маслом — кардинально это ничего не изменит, потому что в паровозе по-прежнему есть топка и кочегар. До тех пор пока мы не разрушим основные институциональные барьеры, не позволим нескольким университетам создавать совместные программы и институты (юридические лица), чтобы не морочиться с лицензированием, не поможем университетам, РАН и предприятиям создавать совместные лаборатории, то бессмысленно говорить о мировой конкурентоспособности российского образования.

Наше отставание от мировой науки увеличивается так быстро, что уже нет времени раскачиваться. Нужно создать условия, чтобы те, кто готов работать по-новому, могли это делать. Ещё недавно, пока не приняли закон об интеграции науки и образования, если университет ставил свой станок в РАН или на своей базе создавал совместную с академическим институтом лабораторию, то возникали серьёзные налоговые последствия. Это мелочь, но чтобы её решить, потребовалась масса времени. Но по-прежнему университет в таком же направлении не может сотрудничать с негосударственными исследовательскими компаниями, почему? Это просто нонсенс. Если сейчас, например, три сильных университета соберутся и создадут новый (четвёртый) университет, захотят сделать его отдельным юридическим лицом, чтобы провести ребрендинг и т.д., то этого сделать не удастся. Есть целый ряд других проблем.

Находясь в рамках ограничений бюджетного учреждения, исследовательским университетам невозможно развиваться. Поэтому переход в форму автономного учреждения вполне обоснован. Появится больше свободы. Но этого недостаточно. Принятый закон об автономных учреждениях предоставляет относительную свободу в финансовой области, но очень мало свободы в области организации учебного процесса, приглашения иностранных учёных, создания новых юридических лиц и т.д. Мы не можем активизировать работу по приглашению иностранных учёных на длительные контракты — контракт заключается только на год. У нас работают американские профессора, мы вынуждены увольнять их каждый год, а потом опять принимать на работу.

К сожалению, вся эпопея с исследовательскими университетами не отвечает на критический вопрос о нормативных возможностях институционального развития вузов.

Многие критически воспринимают идею развития в университетах инновационной составляющей. Что Вы по этому поводу думаете?

— Это очень сложный вопрос. Я недавно прочитал книгу бывшего президента Гарвардского университета Дерекка Бока, в которой описываются все негативные влияния рынка на вуз. Когда наука была уделом небольших групп людей, когда она вся была на виду, было понятно, к чему это приведёт. Сейчас приложимость исследований является важнейшим их критерием. Это не исключает необходимости фундаментальных исследований: чтобы вылечить рак, нужно ответить на фундаментальные вопросы

относительно клетки. Для меня коммерциализация — это не прямая рыночная ориентация в том смысле, как бы заработать больше денег. Для вузов это сигнал задуматься о том, как эти знания будут использоваться, для чего они нужны. Я считаю, что будет замечательно, если наши вузы станут про это думать несколько больше.

А когда они станут про это думать?

— Они станут об этом думать, когда будет принято решение, что все их доходы от этой деятельности остаются в свободном их распоряжении. Когда они смогут создавать малые предприятия, когда наши предприятия получают налоговые льготы от того, что они будут инвестировать в эти исследования.

Каких результатов можно ожидать по итогам проекта НИУ?

— Мы наверняка укрепим целый ряд направлений, появится целый ряд университетских программ высокого качества. И это замечательно. Но исследовательские университеты в современном смысле, такие как Шанхайский или Пекинский, у нас не возникнут за несколько лет благодаря этому проекту. Они потихонечку станут сами по себе развиваться. Этот проект будет полезен, но будет лишь малым шагом.

Формирование федеральных и исследовательских университетов положило начало ранжированию российских вузов. Что, по Вашим оценкам, будет представлять собой структура вузовского сектора через пять-семь лет?

— Конечно, структура вузовской системы должна быть ясной и понятной. В ней должны быть вузы разных типов. Причём это не иерархия, а именно — многообразие. В каждом типе могут быть хорошие и плохие вузы. Но такая дифференциация не должна создаваться сверху, присвоением статусов. В этом смысле мне очень нравится американская классификация университетов. Она очень простая. Есть университеты, которые реализуют аспирантские программы (аккредитовать их очень трудно). Следующая группа — университеты, которые реализуют магистерские программы. И третья — университеты, которые готовят только бакалавров. Причём если какой-то университет захочет создать у себя магистратуру или аспирантуру, сможет для этого привлечь «звёзд», аккредитовать программы, то никто ему мешать не будет. Известно много случаев, когда сельскохозяйственный колледж становился сильным университетом. В России эта задача пока решается путём назначения статусов. Создаются, например, не очень понятные объекты типа «федеральных университетов». Хотя был и другой очень показательный опыт, когда в рамках национального проекта были поддержаны на конкурсной основе инновационные программы развития вузов. Вот там дифференциация возникала естественно.

То есть Вы предлагаете заимствовать мировой опыт?

— Нет, заниматься копированием не надо. Надо действовать рационально. Когда мы начнём так поступать, то с удивлением обнаружим, что делаем то же самое, что и все остальные в мире. Между двумя точками только одна прямая линия. А кривых — сколько угодно. Поэтому рациональные действия, как правило, очень похожи друг на друга.

Я надеюсь, что лет через пять у нас произойдёт дифференциация университетов, и будет понятно: если ты хочешь делать академическую карьеру, тебе надо идти в этот университет, если хочешь быть менеджером проектов — в тот. Это должно быть просто, прозрачно и понятно людям. А сейчас, когда все университеты оцениваются одинаково, им надо, чтобы было много докторов и кандидатов наук. Это полный абсурд.

Если проводить аналогию, то есть пекарни, а есть кондитерские. Хлеб надо массово готовить. И поэтому не каждый бакалаврский вуз должен стремиться стать исследовательским университетом. В том-то и дело: исследовательские университеты — это не лучшие университеты, это не элита, а всего лишь определённый тип университетов. Можно быть замечательным университетом, реализуя только задачи подготовки кадров и не проводя современные исследования.

Автор: Марина Σ Муравьёва © S&TRF - Наука и технологии России ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 3473
27.03.2009, 16:14 322

URL: <https://babr24.com/?ADE=76383> Bytes: 20783 / 20642 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Марина Σ
Муравьёва.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)